

22 НОЯ 1971

г. Москва

Газета №

ВСТРЕЧИ С ЛЮДЬМИ ИСКУССТВА

РЫЦАРЬ ЛИТЕРАТУРЫ

кокетливые девицы и озабоченные матери, которым после занятий надо успеть приготовить обед для семьи. У них разные жизни, разное отношение

ЧЕМ ТАЛАНТЛИВЕЕ литературное произведение, тем больше нового открывает оно человеку и тем длительнее эти открытия.

Первое прочтение хорошей книги запоминается на всю жизнь. И все же, как правило, не оно бывает решающим.

Есть книги, которые, сколько бы ни возвращался к ним, каждый раз все больше поражают своей силой и глубиной. И не потому ли так дороги нам те писатели, чьи знакомые, бесконечное число раз перечитанные страницы вновь и вновь, при каждом новом прочтении, заставляют нас волноваться, радоваться, ощущать заново чудо творчества, чудо таланта? Открытия, которые дарят нам книги гениев, не кончаются никогда.

Мне кажется, такой жанр искусства, как художественное чтение, родился прежде всего из неудержимой жажды художника поделиться с другими людьми открытиями, какие он сделал в великом мире литературы.

Достаточно взглянуть на театральные афиши, чтобы ощутить, как прочно и глубоко вошло это искусство в нашу жизнь. Почти каждый вечер какой-нибудь из концертных залов заполняется людьми, пришедшими для того, чтобы услышать, как человек, стоящий перед ними на эстраде, прочтет им стихи или прозу, которые они чаще всего уже не раз читали сами. Прочтет — и силой своего таланта, своего мастерства заставит их заново восхититься литературным произведением, глубже понять его, увидеть то, чего они не видели и не знали раньше, задуматься над увиденным.

Среди мастеров художественного слова есть артист, который в моем представлении является одним из самых верных, самых одаренных и доблестных пропагандистов этого искусства. Речь идет о Дмитрии Николаевиче Журавлеве.

Бывает, что в разговоре с художником испытываешь искушение спросить, что было решающим в выборе им главного дела жизни. Д. Н. Журавлеву нет нужды задавать такой вопрос, ибо ответ на него заложен в каждом его выступлении, в каждом прочитанном с эстрады слове. Это — безграничная любовь к литературе.

Он любит литературу одержимо, нежно, с юношеской страстью и восторгом, не устывая восхищаться ее величием. Он служит литературе вдохновенно и преданно, как истинный ее рыцарь. Литература для него — неиссякаемый источник наслаждения. Страна Прекрасного, путешествие по которой открывает бесконечно интересную ему человеческую жизнь, с ее чувствами и мыслями, с ее потрясениями, с ее высокой поэзией. Каждое прикосновение к литературе дарит ему все новые богатства, и бескорыстная отдача их людям стала его душевной

потребностью, жизненной целью, ни с чем не сравнимым счастьем.

Артистическая жизнь Журавлева началась рано и счастливо, он стал актером одного из лучших наших театров — Театра имени Вахтангова; его учителями были яркие, взыскательные художники. Но с ранних лет могучий и нежный голос великой литературы неотступно звучал в его душе, он слышал его, как слышат музыку, и стремление переложить эту музыку на свой голос, стать передатчиком ее чуда овладевало им все глубже. Он безгранично любил театр, но еще сильнее любил литературу; две этих страсти жили в нем, пока наконец сильнейшая не победила: он ушел из театра.

У талантливых людей есть одна особенность: они легко и весело рассказывают о своих неудачах. Один из самых блистательных рассказов Ираклия Андроникова посвящен очень смешной истории о провале его первой лекции. Д. Н. Журавлев с охотой и юмором рассказывает о том, как дружно покидали слушатели зал, когда он в первый раз читал «Медного всадника», как он продолжал читать, не замечая пустующих рядов, видя и чувствуя только грозного всадника, скачущего по пустынным петербургским улицам, медный гул копыт, ледяное дыхание бури.

Когда наконец он осознал, что произошло, он даже не успел огорчиться: просто понял, что у него еще не хватает душевного опыта, чтобы ослепить мощью гениальной поэмы, нагнущейся на него, как громада. Но по-прежнему манило его очарование пушкинского стиха, по-прежнему для него пела и звучала музыка пушкинского слова. Произведения Пушкина вошли в первую программу, подготовленную молодым чтецом и решившую его судьбу.

ПРИХОДИЛОСЬ ЛИ вам когда-либо задумываться над тем, какие особенности таланта, какие свойства души требуются от человека, который выходит на эстраду, чтобы донести до слушателей «звучащую литературу»?

Задача мастера художественного слова, обстоятельства его творчества во многом разнятся от тех, с которыми встречается на сцене театра актер. В спектакле актер должен отождествиться только с одним героем, жить только одной жизнью, существовать лишь в том времени, в каком развивается действие. Актеру на сцене помогают быть похожим на его героя костюм и грим, у актера есть партнеры, его окружают декорации, изображающие обстановку, в которой происходят события, рассказанные драматургом.

Чтец входит в огромный мир ли-

Татьяна ТЭСС

□ □

тературы один. Звучащее слово — его единственное оружие.

Он должен нести в себе судьбы всех героев, населяющих произведения, какие он хочет прочесть. Он должен стать и Григорием Мелеховым, и Аксиньей, жить их настоящим и их будущим, чувствовать жар пылающего угля, водвинутого в расщеченную мечом грудь пушкинского пророка, ощущать в своих руках «все сто томов партийных книжек» Маяковского, видеть вместе с князем Андреем высокое небо Аустерлицы, переживать смертельную тоску чеховского изюзички, похоронившего сына. Он должен знать все, до последней черты, о каждом человеке, с каким знакомит слушателя; все чувства этого человека принадлежат ему; силой звучащего слова он должен создать перед слушателями зримые образы, расцветить их красками, овладеть в них всем: светом, пейзажем, ветром, дождем, запахом трав и земли. Все это он должен увидеть и заставить слушателей видеть и чувствовать то же, что чувствует он сам.

Мне довелось бывать на многих литературных вечерах Журавлева, с очень несхожим составом слушателей. Я попадала в аудитории, наполненные случайной публикой; слушала его в концертных залах, где собирались постоянные посетители, любители литературы, знающие едва ли не каждую строку стихов Блока или чеховских рассказов, которые читал Журавлев. Но глубже всего запомнилось одно выступление. О нем я и хочу вам рассказать.

Было это немало времени назад, в последний год войны, на большом авиационном заводе.

Журавлев должен был читать там во время обеденного перерыва, прямо в цехе. По делам редакции я оказалась на том же заводе и, заметив объявление, пошла по направлению, в нем указанному.

Посреди огромного холодного цеха стоял перевернутый фанерный ящик — он и оказался эстрадой. Вокруг собирались рабочие — озабоченные люди, уставшие после напряженного труда. В глубине цеха неподвижно темнели громады самолетов; одни машины были закончены, другие стояли еще без колес, тяжело опираясь могучей грудью о деревянные катки. Журавлев подошел к ящику, взобрался на него так легко, будто удобней эстрады не было у него в жизни, и обвел аудиторию своими удивительными глазами: широко раскрытыми, блестящими, полными бесконечного внимания. Я увидела, как напряглось и дрогнуло его

горло: единственный знак скрытого волнения. И он начал читать «Пиковую даму» Пушкина.

Чем дальше читал он, тем заметней было, как меняется «состав тишины» в цехе.

Спокойную тишину ожидания, какая была вначале, постепенно заменяла густеющая тишина внимания, то прекрасное «внутреннее затихание», какое наступает, когда все чувства человека обращаются в слух. С лиц слушателей сходила усталость, словно ее смывал живой источник; было видно, как освещает эти лица отражение глубокой духовной работы, идущей в сознании, как закипает и разгорается воображение слушателей, как вслед за Журавлевым они начинают видеть и слышать всех героев «Пиковой дамы», увлеченно следить за событиями их жизни.

Казалось, что им за дело в те трудные дни до конногвардейца Нарумова, до старой графини, до безумного игрока Германа и трех роковых карт? Но человеческие страсти, бушующие на страницах пушкинской повести, непостижимая яркость образов, мощь пушкинского слова покоряли, захватывали, проникали в душу, и душа открывалась навстречу красоте искусства. Не могу я забыть этот холодный, скупое освещенный цех, мгlistую дымку над тяжелыми, неподвижными самолетами и зачарованные лица слушателей, обраченные к стоящему на фанерном ящике художнику, который пришел сюда, чтобы разделить с ними наслаждение литературой, безграничную к ней любовь.

ВТОМ, как любит Журавлев литературу, есть особенность, о которой хочется сказать особо.

Это любовь щедрая, активная, я бы сказала, неистовая в своем стремлении передать ее как можно большему количеству людей, зажечь в них ту же пламенную страсть. Журавлев был одним из самых увлеченных зачинателей широко известных «литературных сред» во Дворце культуры имени Горбунова, завоевавших постоянную и пылкую аудиторию, он — участник многих литературных циклов в заводских клубах. Для его жизни, как художника, бесконечно важно ощущение живой связи с первыми пришедшими слушателями, возможность быть их проводником в прекрасном мире, каким захвачена его душа.

Сейчас с той же страстью он несет свое искусство новой аудитории. Это — вечерние школы рабочей молодежи.

На мой взгляд, нет аудитории более трудной. На школьных скамьях сидят рядом подростки и отцы семейств; равнодушные двоечники и самоотверженные труженики, выраивающие время для учения после рабочего дня;

к знаниям, разные нравственные состояния.

И вот приходит незнакомый человек, чтобы прочесть им вслух Пушкина или Толстого. Час художественного слова включен в школьную программу, он является частью занятий, и Журавлев выступает в данном случае, как своего рода педагог. Наука, которую он преподаёт, непостижимо огромна и сложна, но, однажды ее постигнув, люди пронесут ее через всю жизнь.

Она называется любовью к литературе.

Каждое выступление в такой аудитории — это сражение за человеческую душу; надо уметь не только выиграть его, но и закрепить успех. Но какая же это радость для художника, когда трудный, буйный, пестрый класс вдруг затихает, ностраживается, объединенный неожиданно нахлынувшим чувством, и тень пленительного «милолетнего виденья» победно и счастливо пролетает над изрезанными школьными скамьями...

«И тут ко мне идет незримый рой гостей, знакомцы давние, плоды мечты моей...» Когда, с какого года жизни люди открывают для себя счастье общения с поэтом? И как помочь юному человеческому существу быстрее и полней изведать такое счастье? «Звучащая литература», встречи с мастерами художественного слова все шире входят в школьную жизнь; в обычных средних школах, в отличие от вечерних, такие встречи происходят после уроков, в свободный час.

Началось это лет десять назад, в московской школе имени Зои и Александра Космодемьянских, по инициативе преподавательницы литературы М. Д. Сосницкой. И Д. Н. Журавлев ринулся по первому зову на встречи с юностью.

С волнением и вниманием вглядываясь он в тончайшие изменения того, что можно назвать «душевной атмосферой» юных слушателей. Заметней всего это отражалось в школьных сочинениях, на страницах которых подростки находили свои слова, чтобы рассказать об открытиях, как бы вновь сделанных ими: о величии подвига, о свете высокого неба, о могучей листве старого дуба... За отданное этим подросткам тепло сердца, за бережность и бескорыстие, с каким он передавал им свои богатства, сказочную красоту русского языка, самой большой наградой для Д. Н. Журавлева было сознание драгоценности тех зерен, что были брошены в юные души.

Рыцарь литературы, Д. Н. Журавлев служит ей каждым своим дыханием, влюбленно, самоотверженно, читая ее страницы с огнем высокой творческой свободы и личной нежностью, как страницы собственной жизни.